

«Прощёный день»

Книга стихотворений «Прощёный день» принадлежит перу глубоко лиричной и тонкой поэтессы Татьяны Грибановой. Это вторая по счёту книга автора – человека взрослого, знающего жизнь, понимающего проблемы своего времени, осознающего назначение поэта с его ответственностью перед Богом, Родиной и природой.

Стихи Татьяны Грибановой продиктованы необходимостью поделиться с читателем опытом своей души, редкой в наше время добротой и сочувствием к окружающему её миру. Видно, что они выросли не на пустом месте, что через глубокие народные корни их питает сама проматерь – Земля, подарившая автору цветущий островок его малой родины. Оттого они свежи и сочны, как «владимирские вишни» в стихотворении об отце, где в поэтическом пространстве медленно льётся прозрачный золотой мёд и светятся волосы седого человека.

Стихи Татьяны Грибановой не только бытийны, образны и предметны, как правило, они говорят о чём-то важном и значительном, что заставляет задуматься.

Если в её стихах сидит нищий у дороги, мы думаем о милосердии, если возникает схимник среди монастырских стен, поднимаемся душой к высокому, божественному, уходящему корнями в далёкое прошлое.

Поэтесса отчётливо осознаёт, насколько важна для России связь народа с религиозной культурой и радуется каждому её проявлению:

- А на развалинах часовни
К подножию крутой горы
Всем миром выгружают брёвна,
Стучат задорно топоры.

Кипит работа в кузне старой,
Из самых дальних слышно мест,
Как колокол, гудят удары ,
Куётся для часовни крест.

Стихотворение «Пробуждение»

Татьяна Грибанова искренне патриотична. В её стихах не встретишь порой сомнительных оглушительно – трубных строк о любви к Родине. Действительно, трудно заподозрить в заданности автора таких строк:

- По тебе ли, моя даль – сторонушка,
Панихида – то дождик , то снег?
Конопелинкой, маковым зёрнышком
Ты мне снишься в наш горестный век.

Творчество Татьяны Грибановой находится в процессе динамичного развития, а нам остаётся ждать отзывов на эту книгу, где так ярко проявился созидательный дух нашего народа.

Член СП России, поэт, Ирина Семёнова

АННЕ

Понимаю, конечно, Италия!
И Париж, Триумфальная арка!
Горный спуск на курортах Швейцарии
Или берег лазурный в Монако.

А быть может, да ну её, к лешему,
Эту чопорную границу?
Не уступят красоты ей здешние,
Парижанам такое не снится.

Соберёмся давай-ка, порадуем,
На Козловке отшельника деда.
Решено, сговорились и ладушки.
Мёд поспеет с гречишного цвета.

И в сметане с укропчиком белые!
Потайные у деда поляны.
И картошка с лучком скороспелая.
Что твои ананасы-бананы?

Покажу тебе дали покосные.
Не забудь, прихвати-ка этюдник.
За рекой ли, за древним погостом ли
Наши русские земли повсюду.

А потом эти капли Орловщины,
Эти в доннике пенном низины,
Этих рябых коров среди рощицы
Пусть увидит весь мир на картинах.

* * *

Апрель. За воротами сухо,
Накатан разъезженный путь,
И ветер, щенком вислоухим,
Старается в щёку лизнуть.

Ручьёв непрерывные речи
Сбиваются в зарослях ив,
И, вспыхнув, берёзки под вечер
Купаться бегут на разлив.

Ты помнишь? На сердце услада...
Мир чист, целомудренно наг.
Синица звенит ли, прохлада?
Иль серьги в ольховых кустах?

О, как же легко и привольно
Бродить, синевою дыша,
Где соком берёз белоствольных
Врачует потери душа.

АФОНЯ

То глухие удары, а то перезвон,
Будто за ночь вознёсся на взгорочке храм.
Это кузня Афони, как древний Афон,
Разжигает священный огонь по утрам.

Распевает железо под стук молотка,
А порою и ангельский чудится хор.
Если сладил Афоня - уже на века,
Знать, шепнул ему тайну кузнечную горн.

Служит он землякам от зари до темна,
На завалинке скоб и мотыжек ряды.
Неказистый мужик, и в кудрях седина,
А вот руки - особой мужской красоты.

* * *

Ах, если б заросшим просёлком,
Спустившись за Ярочкин лес,
Стать вновь беззаботной девчонкой,
Букетами звёзды с небес!

Раздует на роستانях ветер
В тумане рябиновом стог,
Шепнёт, как семнадцатилетний:
«Дождаться заката не мог!»

И дым на губах, можжевельник,
И дышит костром темнота.
И мир на двоих, и мы верим,
Что счастливы были тогда.

Под горочку стёжка крутая,
Цикад несмолкающий звон,
И хутор в тумане растаял,
И вот он - раскидистый клён.

В то первое наше свиданье
Ты ночь напролёт целовал,
На дереве вырезал: «Таня»,
И ветки узлом завязал.

Семнадцать! Совсем ещё дети!
У ног целый мир и вся жизнь.
И надо же, мощные ветви
На вечные веки срослись.

А я-то подумала: «Канет,
Как в омут, июньская ночь».
Но узел кленовый - на память,
И Таней назвал свою дочь.

БРАТУ АНДРЕЮ

Локоны тигровых лилий
Лето сыплет под кустом.
Мы с тобою так любили
Твой да мой на горке дом.

Бальзамины на окошках,
Терпкий дикий виноград,
Стул с шатающейся ножкой
На веранде с видом в сад.

Там в коробке из-под шляпы
Пуговицы, кружева,
У трюмо тот самый запах,
Мамин - «Красная Москва».

* * *

Бус янтарных нитка – ручеёк в лощине,
Вербы-перестарки, шепоток песка,
Тополь у амбара в гнёздах сорочиных,
Небо – бледный штапель старого платка.

Стёклышко с надтреском на крылечной раме,
Хоровод капустниц, воробьиный порх.
Каждый день, как вечность, каждый камень – память,
О простом, насущном важный разговор.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Двери настежь, вбегаешь с мороза,
За тобою – хрустящий февраль,
И пылают пурпурные розы,
Осыпают мне платье и шаль.

Гости в сборе. Садисься поближе.
Поздравляешь. «Спасибо», - в ответ.
Тихо шепчешь: «О Боже всевышний,
Мы не виделись тысячу лет!»

Растворяясь в дыму сигаретном,
Промелькнула бессонная ночь.
О друзьях, о родных, о заветном,
Обо всём, чтобы боль превозмочь.

И опять расстаёмся надолго,
Может быть, не увижу тебя!
За окном просигналила «Волга»...
Даже ходики в кухне умолкли...
Только двери скрипят и скрипят...

В небе плыли белые барашки,
И горел под пятками песок,
И шептались в мареве ромашки,
И дышал малиной туюсок.

Пробираясь в зарослях лещины,
Мы спугнули сонную сову.
И за нами леший вдоль лощины
Долго бегал и кричал: «Ау!»

...Воробьи забились под застреху,
И мороз посеребрил траву,
То ли ветер, то ль из леса эхо
До зари звало меня: «Ау!»

В НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛА

Вздых коровий со двора,
Тявкнула Чернуха,
И картошкой от костра
Потянуло с луга.

Мне сподручней босиком,
Травы не остыли.
Две доски над ручейком
Спрятал чернобыльник.

Под сосной у трёх дорог
В ночку на Купала,
Я рвала чертополох,
На тебя гадала.

В ПУТИ

- Ты б соскочила, за санями вслед
Версту-другую пробежала.
Гляди, примёрзнешь...
Полушалок
Заиндевел. Окоченел весь свет –
За двадцать нынче, а зиме всё мало!

Ворчит старик и сам совсем продрог.
Не слушается старый сивый –
Храпит, потряхивает гривой.

-Но-о-о, милай! Скоро Сычин лог:
Мелькнут копёшки, прошлогодний стог...
А там проскочим церкву и погост...
Посади, под горку склизко!..
Объедем хутор повитухи Лизки,
Глядь, под Поповкой развалюха мост –
Кто ж справит? Сгиб передовой колхоз...

Деревня заморгает за рекой,
Рванёт коняга, двор зачуяв.

-Вишь, сухает, об чём толкую.
Наддай, хороший! Уж подать рукой!
Сенца задам, попьёшь и на покой.

Матвеевна заждалась, наверно, нас,
Глаза в окошко проглядела.
И в печке гарбузня поспела,
Да и анисовка который час
Стоит не тронута, без дела...

* * *

В старом заросшем саду бабки Ньюши
Белый душистый налив,
Пёс, вечно спящий, ставенки в рюшах,
Сизый, как ночь, чернослив.

Маков головки, под грушею печка,
Мурзик, известный шельмец,
Красный линиялый петух над крылечком,
Хриплый дразнилка скворец.

Память голубкою вьётся над хатой
Будто сейчас, наяву
С выводком поздним пеструшка-хохлатка,
Хруст кочанов к Покрову.

Саночек липовых с Мишкиной горки
Снегом припудренный след.
Сны быстротечные, детства осколки,
Вечно спешащий рассвет.

В СТРАДУ

К полночи день на селе отпылит,
Канет гольшиком в сонную речку,
Оттороторит, отжнёт, отрулит,
И тишина прикорнёт на крылечках.

Сохнут рубахи моих земляков,
Потом пропахли да спелой пшеницей.
Тянет соломой от бабьих платков,
Белые зубы, прожжённые лица.

Чуть перевёл запыхавшийся дух –
Брежит июльский рассвет скороспелый.
Двор, детвора под присмотром старух,
Пропасть в полях непчатого дела!

* * *

В цветочек ситцевое платье
И с вишней спелю кулёк.
Лет пять. Остались куклы в хате.
Иду на речку. На закате
Стучит на мостиках валёк.

Спускаюсь под гору в ракирки,
Где мама, юбку подоткнув,
Колотит пёстрые постилки
Вальком на камнях, будто свитки
Читает, нашу старину.

А за деревней, за погостом,
Где май кропит по травам мёд,
Где солнце в лучиках раскосых
В туман сползает по откосам,
Пастух коров домой ведёт.

Тот вечер маминой косынкой
Мне машет из далёких лет.
Табун гусей, на кольях кринки,
Плотва под крышей на лозинке,
Тоска... Острей которой нет.

ВЕСНА

Разом грянула, просится в строчки,
Где взяла столько свежести, сил?
Брызги клейкие первых листочков,
И не спится за стенкою дочке,
И весь вечер ей кто-то звонил.

Благовещенье, голубь над крышей
Покружил, и парит в облаках.
Перезвон от Крестительской слышен,
В грудь апрель подрастающий дышит,
Новорожденный мир на руках.

Я прошу тебя, праведный Боже!
Не оставь его, благослови.
Мир, ещё с твоим ангелом схожий,
Тот же свет, окрыление то же,
Ожидание чуда любви.

* * *

Где свечи рогоза в запруде,
Где в рост человеческий сныть,
Бревенчатый старенький хутор
Смотрел бесконечные сны.

О, как же давно это было!
И стёжка, где маковый цвет,
Без ног моих в цыпках остыла,
Зарос подорожником след.

Но где бы с тех пор не была я,
Лишь мёдом потянет с лугов,
Я тот хуторок вспоминаю
В краю бездорожном, глухом.

* * *

Грай весенний, в разливе апрель,
Ива косы плетёт у порога.
По-сырому эскиз – акварель,
В лужах двор и в размывах дорога.

Гладит ветер чуть тёплой рукой
Стог осевший с парною мякиной,
А за рябой Кромкою-рекой
Брызжут звонкою синью осины.

И светло в закоулках души,
И безоблачны дальние дали,
Может быть, оттого, что в тиши
Журавли на заре пролетали.

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Я чудес немало повидала,
Но, как в детстве, всё ещё люблю
Подсмотреть сквозь щёлку сеновала,
Как ласкает дождь парной зарю.

Мир – младенец, к завтраку умытый,
Не узнать, смотрю, не насмотрюсь.
Край родной вовеки не забыть мне!
Здесь мой дом, родители, и Русь!

Сколько буду жить на белом свете,
Буду плыть к родимым берегам.
Как наследство, дождь оставлю детям,
Им на сохраненье передам.

ДЕД ПУЩАЙ

Куст бузины,
Полкан в репьях лохматый,
Пеструха с ранним выводком в пыли...

Средь ивняка
Коза и с ней козлята,
И дед Пущай
С сигаркою вдали.

Коза настырна,
спозаранку к Митьке,
Соседу,
Лезет в грядки, в огород.
Дед, не признав
Рогатую политику,
Пускает плётку
Тут же в оборот.

Ворчит Пущай,
Потом и он смолкает,
И воцаряется опять покой.
Лишь на току
Сушилка всё чихает,
Зерно с полей
Течёт в неё рекой.

В сенном амбаре
Сладко спится ночью.
И снится мне,
Отвыкшей от земли:
Старик бранится,
Вторит эхом кочет,
Куст бузины
Объеден до листочка,
Купает клуша
Выводок в пыли.

ДИЧКА

Может, полдничали на покосах,
Может, пролетая, как-то птица
Обронила семечко на росстань,
И дичок на взгорке приютился.

Устремилась груша в поднебесье.
Знал и стар, и мал в округе нашей,
Что у трёх дорог за дальним лесом
Дичка повкуснее настоящей.

Бабы с ней не ведали заботы,
Лишь поспеет, и - айда по груши!
И варенье в зиму, и компоты,
Да и лекарь первоклассный – сушка.

Выдалась зима на горе злая.
Без снегов гуляла по просторам.
Ни цветочка, ни листочка в мае,
Нарубили дров из дички гору.

По кормилице запричитали,
Но пробилась в тот же год росточки.
Мужики за честь всегда считали
Выходить от этой дички дочку.

Дом у косогора спит,
Смотрит из тумана лес,
Спозаранку у раки
Косит по росе отец.

Зреет за рекой рассвет,
Хрипнет на шесте петух.
Вьётся у оврага след,
Стадо стережёт пастух.

Горкой на полу дрова,
Мама разжигает печь.
Ящеркой на сеновал –
Хоть бы на часок прилечь!

* * *

Дождь перемерил циркулем поля,
И в молочае заблудился вечер.
И ветер укачался в тополях,
И вспыхнул жемчуг в ушках царских свечек.

Иду насквозь промокшим сосняком,
Видать, к теплу зудят комарьи тучи.
Небоязно, просторно и легко.
Гитара за деревней далеко,
Стрижи неугомонные под кручей.

Бубнит в степи над табунами гром,
А, может, запоздалая повозка.
Вечерний чай... Родной, в жасминах, дом...
Мотив простой, сатиново-неброский.

Измены и разлуки нипочём!
Пускай судьба тревоги не пророчит!
Лишь вспомню ландыш над лесным ручьём,
Лишь вспомню, как горланит утром кочет.

ДОЧЕРИ

Холсты грунтует за окном зима,
А ты задумалась и ждёшь мгновенья...
Рука невольно, кажется, сама
Начнёт писать с особым увлеченьем.

Сначала робко, а потом смелей
Выводишь ты и роши, и пригорки.
Взгляну – дорога средь родных полей.
Июль...Рассвет...Орловские задворки...

И скачет белкой на палитре кисть,
Всё ищет цвет, изюминку, орешек.
И лес берёзкой каждой рвётся ввысь,
И босоногий дождик лугом чешет.

Стоишь. Прищурясь, смотришь на январь,
А на холсте – умытые ромашки.
В душе твоей особый календарь,
Захочешь – завтра будет день вчерашний.

ДРУГУ, УЕХАВШЕМУ В АМЕРИКУ

Зачем уехал ты в краю чужие?
Неужто можно лучше отыскать?
Как разглядишь сквозь города большие
Погост у церкви, где оставил мать?

Что будешь делать, если на чужбине
Приснится детство, речка, Марьин ров,
И земляника россыпью в долине,
И стадо рыжих на лугу коров?

А вдруг захочешь летней светлой ночью
Прижаться к старой яблоньке в саду
И дом увидеть позабытый отчий,
Поймать на зорьке лещика в пруду?

Берёзку помнишь, что в люпине синем?
Не изменилась, хоть прошли года.
Ты возвращайся. Ждёт тебя Россия.
Она скучает без тебя всегда.

ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА

Играет галькою ручей,
Как мальчик в камушки играет.
В короне солнечных лучей
Восток лениво догорает.

Иду сквозь память босиком
По свежескошенному лугу,
Здесь каждый кустик мне знаком.
Картинки детства друг за другом.

Звенит литовка под горой
О чём-то прошлом, добром, старом,
Ей вторит дикий сонный рой
На вишне спелой за амбаром.

До каждой дырочки родной,
Забор в заплатках как в обновках.
Мы в летний дождик проливной
Пускали лодки на задворках.

Разъехались давным-давно,
За тридевять земель осели.
Жасмин разросся под окном,
Остались кольца от качелей.

* * *

Душа моя, сливаясь с песней русской,
Растёт рябиной тонкой под окном.
То, растревожив, запоёт о грустном,
А то уйдёт пасти коней в ночном.

То вышивает в низенькой светёлке,
То ждёт любимого под вечер у окна,
А может соловьём в ночи защёлкать
Иль выйдет в поле погулять одна.

Пойдёт по Волге вместе с бурлаками,
В степи промёрзнет ночью с ямщиком,
И под гармонь пройдётся каблучками,
И по росе блуждает босиком.

Наперекор стихиям выйдет в море,
Захочет вдруг бубенчиком звенеть,
И колыбельной материнской вторить,
Романсы о туманном утре петь.

О, сколько песен не было б на свете,
Не сможешь лучше русской повстречать!
Заслышишь - солнце в небе ярче светит,
И запоёт душа, нет сил молчать.

* * *

Дули с кулак над забором,
Шмякает грушевый град.
Осы всем алчущим хором
Сахар янтарный едят.

Каждому с детства знакомый,
Спутник российских дорог,
Там, в захолустье, за домом
Косит отец полынок.

Над Казюлеевым садом
В сполохах поздний закат.
Васька, стреножив лошадок,
Скачет рысцою назад.

Вечер уж горлицей кружит,
Гукает: «Спать-засыпать!»
Мне обязательно нужно
В летопись всё записать.

ЕГИНО

Предок мой, затейник и шутник,
Дал название деревне «Егино»!
Хатки-курочки спешат в лозник,
И колдун туман ползёт в окно.

Вот и птиц он поднял на крыло,
И наводит тени на плетень.
Мне с деревнею, конечно, повезло,
У Еги в гостях который день.

Здесь и воздух – переспелое вино,
Может быть, настой из сонных трав?
Бабка Ёжка, Ёжкин кот и Егино
Меж орловских прячутся дубрав.

Видно, зельем опоило Егино,
Все тропинки помню наизусть.
Уезжаю, знаю всё равно,
Что на край деревни возвращусь.

* * *

Едва слышны распевки петушинные,
В горошек небо, над ручьём слега,
Петляет донником тропа низинная,
И сеном дышат поздние луга.

С годами в памяти сотрётся многое,
Но как смогу забыть я эту ночь,
Тебя, стога, то лето босоное
И счастье в звёздный августовский дождь...

ЖЁЛТЫЙ РУЧЕЙ

Словно за лето сгоревшие свечи
Спят камыши над продрогшею речкой.

Синяя-синяя гладь на пруду
В омуте синюю прячет звезду.

А под горою у старых ключей
Жёлтый-прежёлтый несётся ручей.

В нём с петухов до вечерней зари
Галькой играют мальки-пескари.

Здесь, даже ночью всегда, между прочим,
Тёплый-претёплый янтарный песочек.

Мяч и костёр, и шалаш по соседству,
Жёлтый ручей, словно капелька детства.

ЗАБЫТЫЙ НОМЕР

Я грудю старых книжек записных,
На полках и в столе разворошила.
А дом с утра в предчувствии затих.
Он помнит всё, что я давно забыла.

Вот, наконец-то, трудный номер твой.
Как удержаться? Над собой не властна!
А вдруг с годами ты обрёл покой?
Ну, как ты можешь без меня быть счастливым?

Я выжидаю, длинные гудки...
"Алло!"- любимый хриплый голос в трубке.
Молчу. "Алло!"- сжимает боль виски...
"Алло!". Ты сердисься: "Ну, что за шутки!"

Зной в реке растаял , и прохлада
Веет с поля на закате дня,
И к хозяйкам, нагулявшись, стада
Бык ведёт, бубенчиком звеня.

А заря нырнуть в кусты готова,
От неё лишь ленточка видна.
Как заблудшая в лугах корова,
Выплыла огромная луна.

Всё затихло в ожиданье ночи,
Ветерок и тот собрался спать,
Лишь ручей уснуть в кустах не хочет,
Соловьи расщёлкались опять.

День уснул, его будить не надо,
Оросилась сонная трава.
Из кустов заброшенного сада
На охоту шмыгнула сова.

Ночь крылом затихший мир укрыла,
Растеряло небо серебро.
Я его в подол к себе ловила
И по рубчик набрала ведро.

* * *

Землянику с утра собирала,
Лес притих, видно к буре, ни звука.
Я колечко твоё потеряла,
Распотешилась змейка-разлука.

Дорогой обронила подарок,
До полудня его проискала.
Но мешали змеиные чары,
Лишь напрасно траву истоптала.

Не воротит разлучница счастье,
Не кричи, не зови, не ауй.
Я теперь над судьбою не властна
Без кольца, без любви и без друга.

Потемнели небесные своды,
Ночь настала в округе глухая,
И хохочет в лицо непогода,
Отыскала колечко другая.

ЗАМАНИЛКА ДЛЯ ВЕСНЫ

Прости-прощай, зима седая,
И саван белый не мети.
Весна, девчонка молодая,
Скорее ласточкой лети!

На бал явись лесной царицей,
Пусть ветер тёплый шлейф несёт.
И первый гром, и с ним зарницы
Ознаменуют твой приход.

Цветами сыпь под старой елью,
За гнёзда спорят пусть грачи.
Наполни воздух птичьей трелью,
На волю отпусти ручьи!

Жужжи над ивою у речки,
Черёмухой в саду пари,
Каштаном вспыхни, словно свечка,
Ночь напролёт для всех гори!

* * *

Заскучал журавель у колодца,
Провожая последний косяк.
Полинялые лучики солнца
По веранде стеклянной скользят.

Серебром тополя отзвенели
И укрыли ковром огород.
Скоро-скоро нагрянут метели,
Закружат над селом хоровод.

Почернеет бурьян придорожный.
Занесёт, закружит, заметёт.
Пробираясь у хат осторожно,
Почтальон первопутком пройдёт.

* * *

Запахнет подсолнухом, летом,
И влагою мшистых дубрав,
И свежую ранью рассвета,
И спелым цветением трав.

Колючим кустом придорожным
Затеплится дымная даль.
Колёса, промчавшихся дрожек,
Рассыпят росистый хрусталь.

И запах церковный полыни
И пробная робкая трель,
И небо заплещется синью,
И брызнет в лугах акварель.

* * *

Земля лугов душистых, росных,
Российских далей глубина.
О, край июньских сенокосов
И синь прудов, и тишина.

Вишняк за тыном полудикий,
Горой сосновые дрова,
Пучки сушёной костяники,
Иван-да-марья, трын-трава,

Далёкий скрип телеги в поле,
И вновь – анисовый покой.
Здесь всё идёт по Божьей воле,
До неба здесь подать рукой.

Толпой бегут под горку сливы,
И в окна с простенькой резьбой
Крадётся вечер сиротливый,
Дед спорит с кем-то за избой.

Пройдя тернистые дороги,
Босая, по своим грехам,
Иду к отцовскому порогу,
К твоим, Россия, берегам.

* * *

Зять погрузил незатейливый скарб,
Досками окна крест накрест забили,
Бабка всплакнула: «Ну, бабы, пока!»
И «Жигули» на большак запылили.

Через неделю осунулся дом
И почернел, и осел, как могила.
И воротина расшамкалась ртом,
Всхлипнув, от ветра с петель соскочила.

Мучился долго ночами сосед –
Выла и выла забытая Мушка.
Всё поджидала: затеплится свет,
И замелькает в окошках старушка.

Цыркнет в сарае душистым парным,
Косточку в миску положит на ужин,
Выйдет, повесит сушить кубаны...
Ночь да луна, да ноябрьская стужа.

* * *

Ни души за пять вёрст не увидишь порой,
Степь, луга да сенные овины.
Только в кашках кузнечик звенит под горой,
Заблудился табун у лошины.

А ещё – эти сосны, раскидистый бор,
Этот дятел на самой верхушке,
Куча шишек под ним, земляничный ковёр,
На поляне две груши-дикушки.

И бурлит ледяной из-под камушка ключ,
Растекаясь в глухие затоны.
Сквозь туман пробиваясь, невидимый луч
Золотит на орешнике кроны.

Вот и старый знакомый, в плешивинах пень,
- Что ж забыла, приходишь так редко?
Потемнеет душа, будто бабкин плетень,
Ты почаще бывай у нас, детка.

* * *

И снова праздник, ёлка, Новый год,
И мы опять его встречаем порознь.
И не вино - вино, и тост - не тост.
Всё это для меня давно не новость.
Ты столько лет - желанный из гостей,
Средь серых будней - праздник жизни всей.

Другая женщина предложит чай,
С другим на кухне вымою посуду.
Ты скроешь от неё свою печаль,
Я отвернусь, сославшись на простуду.
И станем редких встреч, как счастья, ждать.
Прости и помоги нам, Божья мать!

* * *

- И Лёшка дразнится, и щиплется гусак,
Колени сбиты, с Галкой снова в ссоре.
- Да разве это горе? Так, пустяк.
Дай Бог не ведать, что такое горе.

Ты Боженьку получше попроси,
И помолись заступнице Лукерье.
Я верю и прошу что было сил.
Кому же, как ни бабушке поверить?

Ах, если бы опять на склоне лет
Вернуть сверчка весёлого за печкой
Да на скамейке лютиков букет,
Парное в кружке голубой под вечер,

И коромысла радуг за селом,
И переливы развалюхи–кузни,
Икону с божьей травкой над столом
И гнёздышко в бурьянном захолустье.

Ночной костёр с курчавой берестой
С рассветом россыпь непоседы-дятла,
И небо со счастливою звездой,
А вдруг получится? Хотя... навряд ли.

ИЗ РОДДОМА

Сыплет осень с вяза, с ясеня,
Рвёт косынки у берёз.
Тучи хмарью день раскрасили,
Дождь устал косить покос.

В лужах стёкла бьёт колёсами
На просёлке грузовик,
И татарник непричёсанный
От ноябрьской стужи сник.

Подмораживает к вечеру,
Над капотом клубом пар,
И коптит прогорклой свечкою
Вдоль бурьяна луч от фар.

Нынче темень непроглядная,
Только пять, а вроде ночь.
Греет душу мысль отрадная:
"Надо ж! Двойня! Сын и дочь!"

* * *

Редкие сосны,
Лесок придорожный,
Зябкие ветки
В сквозном серебре.
«Пазик» наощупь
Ползёт осторожно.
Снега - по брюхо,
Зима в октябре.

За поворотом
Сгорают осины,
Алые листья
Шипят на снегу.
Белое солнце
Над белой пустыней
Белит холстины
Весь день на бегу.

Знаю, к ноябрьским,
Конечно, растает,
Брызнут озимые
Вновь на полях.
Уток – чирков
Запоздалая стая
Будет у нас
Гомонить в копонях.

Вновь запорошит,
Завалит, завьюжит.
Выстелет новые
Хрусткие ситцы.
И зазнобит
Мою грешную душу,
Станет к тебе
На край света стремиться.

КАРТОЧКА

Всё бодрячком по жизни, молодцом,
Внезапно слёг и застонал, заохал,
Сынов позвал, уж видно, дело плохо,
Топчан велел поставить на крыльцо,
Чтобы с него видна была дорога,
Собрался помирать сосед мой Прохор.

Внучка Гришутку вдруг прислал за мной,
Велел из шкафа принести коробку,
Медали, писем пожелтевших стопку,
И все рукой подписаны одной.
И карточка: косички под пилоткой.
Дохнуло позабытою войной.

Казалось, пред фотографом на миг,
Всего на миг девчонка задержалась.
Забыть тот день, лишь к ночи бой затих,
Наверно, ей и жизни было б мало,
Но дотащила всё же до своих,
Как на саях, на ветках краснотала.

- Я письмами сестрички дорожу,
Как весточками с той войны жестокой...
В атаку до сих пор во сне хожу...
Погибла через год под Белостоком.
Ты карточку себе возьми, прошу,
На память о девчонке той далёкой.

* * *

Как по полю позёмка гуляет,
Воля вольная ей да простор!
Чисто-начисто след замечает,
Где калитка, где дом и где двор?

Разыгралась февральская вьюга,
Всё смешала, не видно ни зги.
Злые ветры сбивают друг друга.
Боже праведный, помоги!

А на кухне нетронутый ужин,
И лампадки затеплился свет.
Слышишь, Господи! Он мне нужен!
Сквозь метель укажи ему след!

* * *

Когда-то гору называли Поповкой.
Церквушку взорвали, связавши верёвкой,
Стащили кресты в тот же день с колокольни.
Давно это было, но, вольно-невольно,
Бывая на месте израненном том,
Себя осеняю поныне крестом.

Чуть выше сирень укрывает стеной
Времён стародавних погост крепостной.
Здесь кость на кости, среди них - мои предки.
Век с веком сплелись, перепутались ветки,
Замшели кресты, и сровнялись могилы.
Здесь память и грусть моей родины милой.

КРАСАВКА

Кнутом защёлкал у реки пастух,
В иван-да-марье солнце скрылось.
Исчез Красавки след парной и дух,
В трёх соснах, видно, заблудилась.

Иду искать... В оврагах тишина,
Лишь спорят меж собой цикады.
И зверобоя рыжего стена,
И долгоносиков армады.

Жужжит в татарнике мохнатый шмель,
Взбивает алые подушки.
Мычит Красавка, чешет рогом ель,
На морде от коры - веснушки.

А к ночи тонким тянет холодком,
И брызжут вдоль обочины ромашки.
И пахнет свежим, тёплым молоком,
Травой лесною, лютиками, кашкой.

Леса, песчаные овраги,
Ручей, всё тот же под горой,
Но тихо, не шумят ватаги
Ребят вечернею порой.

Ни огонька в глухой деревне,
Вдоль хат ползёт до самых крыш
Туман. С развалин церкви древней
Летучая взлетеламышь.

Архип со старой колотушкой
Подшитым валенком шуршит,
На пару со своей старушкой
Клуб молодёжный сторожит.

* * *

Летом в соснах прохлада тенистая,
Дух густой да смолистая тишь,
И маслята во мху золотистые,
И шумит на болотце камыш.

В полдень папоротники-отшельники
Прячут листья свои от жары.
Сторожат муравьи муравейники -
Входы в тайну, в иные миры.

Молодняк...Хвоя нежная-нежная.
Посижу, отдохну-ка на пне.
Объедая грибок подвалежника,
Проползает улитка во сне.

Мухоморы, ребята вихрастые,
Чётким строем идут на парад,
Нарядились в мундирчики красные,
И несчитанных пуговок ряд.

Мир лесной для кого-то особенный,
Для меня - каждый кустик родной.
Я росла и тянулась за соснами,
Запах леса повсюду со мной.

* * *

Лишь забьётся меж рам полусонная муха,
Лишь проклюнется только на взгорочке март,
Я страдаю всегда обострением слуха,
Жду, когда же грачи в березняк прилетят.

Слух весной напряжённый, особенно чуткий,
Вот аукнулась в поле, прощаясь, зима,
И повсюду какие-то новые звуки.
Или просто весной схожу я с ума?

Напрягаюсь и слышу: к утру в палисаде
Снег осел, разродился ручьями сугроб.
Первый гром прогремел, как «Ура!» на параде,
Видно, разом пойдёт, видно, грянет потоп.

* * *

Луг отсырел, и притомилась малость
Шнырявшая с утра за мною тень,
Вспорхнула и в боярышник упала,
Как будто ей пошевелиться лень.

Куст озарился пламенем пунцовым,
Погас. Упал в репейники закат.
Над хутором, над крышею тесовой
Скользнул рогатый бабушкин ухват.

Распахиваю в сумерки ворота.
Шурша сенцом, во двор вползает воз -
Литовки старой праздничная нота, -
Ну, вот и всё, закончился покос.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Выйду лунною ночью из дома,
Бледный свет озаряет поля.
Как гравюра из старого тома,
За плетнями в снегу тополя.

Тихо-тихо в деревне, и слышно:
«Хрум» да «хрум» под ногами снега.
Дремлют хаты, ушанками крыши,
И в тулупах овчинных стога.

Спит деревня под снежным убором,
Спит-сопит на печи ребятня.
Тявкнул пёс у соседей, и скоро
Дым завьётся кольцом у плетня.

Заскрипит журавель на колодце,
Обивая ведёрками лёд,
И в сарае петух встрепенётся,
И простужено вдруг запоёт.

И проснутся дремавшие чувства,
И с мороза прижаться к тебе
Так захочется вдруг! И так грустно
Станет мне в опустевшей избе.

* * *

Люблю тебя в апрельском сарафане,
В венке из летних трав - не насмотрюсь.
Как хороша ты в кружевном тумане
Средь осени на зорьке хладно-ранней!
Зимою ты сама царица, Русь!

С людей твоих писать иконы в пору,
Назвать святыми их не побоюсь.
Твой путь тернистый был всегда мне дорог,
Душа российская – предмет для споров,
А я всю жизнь твоей душой горжусь.

И все паденья, и лихие беды
Оплакивать открыто не стыжусь,
С тобой ликую вместе в день Победы,
Внушаю детям дедовы заветы
И за тебя, родимую, молюсь.

МАМЕ

Вечер на окне задвинул шторы,
Сад уснул, дыханье затая.
Ты сегодня дел свернула горы,
Труженица вечная моя.

Дай свои морщинистые руки,
Из за всё хочу расцеловать.
Прикоснусь – и колыбельной звуки
Мне припоминаются опять.

Руки мамы пахнут земляникой –
В лес ходили мы за ней вдвоём,
Пахнут спелой вишней и гвоздикой,
Первым летним проливным дождём.

Этот запах сразу я узнаю,
Хоть глаза мне завяжи платком.
Я, конечно, тут же отгадаю:
Пахнет мама так да отчий дом.

Далеко осталось в прошлом детство,
Но его забыть я не смогла.
Ароматы эти, как наследство,
Ты мне с молоком передала.

А когда приедет в гости дочка
И с порога кинется ко мне,
Я украдкой утрусь платочком,
О тебе поплачу в тишине.

МАЛЬВЫ

Ах, мальвы, Маши, Мани,
Что у плетня растут!
К себе под вечер манят
На лавочку в саду.

Алеют ярко щёчки,
Ах, девичья краса!
По платьицу цветочки,
И с бантиком коса.

Мне на прощанье машут,
Судача на пригорке,
Целует ветер Мальвы
В растрёпанные чёлки.

МАНЯШКА

Из алого клевера, сняты да кашки
Венок у соседской девчушки Маняшки.

Щебечет с утра легкокрылая пташка,
Сандалики сбиты, в оборках рубашка.

Румяные щёчки, веснушек пяток,
И кудри льняные, и нимбом венки.

С картавинкой лёгкой смешной говорок,
На бантиках-крыльях летит ангелок.

В кармане богатство – ракушки, стекляшки,
Под мышкою кошку таскает Пятнашку.

И день её розовым цветом окрашен,
Весь мир для неё, отступаться не страшно.

Ах, мне б её крылья хотя б на часок!
Забывать этот мир, что бывает жесток,

Где гаснет уже за спиною восток,
Где в жизни всему предначертан свой срок.

МАВРИК

Родился у коровы нашей
Бычок по кличке Чёрный Мавр.
Хвостом от мух, как веткой, машет
И скачет, голову задрал.

Торчат из-под колечек рожки,
Смешно бодает маму в бок.
На ножках - белые сапожки,
И чёлка - крупный завиток.

Вчера в ромашках заблудился,
Пошёл на луг за огород.
Там долго бегал и резвился,
Скакал по травке взад-вперёд.

Стемнело. Дома нет телёнка,
Мамаша у калитки ждёт:
«Что делать с этим ребёнком?»
А он один в кустах ревёт.

МАЙСКОЙ НОЧЬЮ

Такая тишина среди лугов,
Лишь фырганье коней в тумане,
Да изредка распевки петухов,
Да Лёшка пилит на баяне.

Ерошит ветер ласковой рукой
Черёмуху над крышею сарая.
Светло как днём! И на душе покой.
Ах, что за ночи и рассветы в мае!

* * *

Матушка Метелица
Выбила перину.
Снег коврами стелется
Через всю долину.

Падает на варежки
Лёгкий, невесомый.
Я спешу на шанежки,
Путь давно знакомый.

На пельмени русские,
Плюшки-расстегайки,
Голубцы капустные
И на веник в баньке.

* * *

Мимо посадок дорога,
Рябь от кукушкиных слёз.
Зелень вдоль горки отлогой,
Сосны меж рыжих берёз.

Родина! Тихое поле
В дымке закатного дня.
Светлой пронзительной болью
Сердце щемит у меня.

Ситцем затянуто небо,
Простенький сельский пейзаж
Зёрнышком спелого хлеба,
Каждой былинкою наш.

* * *

Моя родина кроткая, тихая
С малых лет до сегодняшних дней
Спеленала меня повиликою
С побуревших отцовских плетней.

Что я значу без поля гречишного,
Без раки, без печали прудов,
Без садов с перезрелой вишнею,
Без просёлочных пыльных следов?

Пусть я стану былинкою маленькой,
Желторотым стрижом, ручейком,
Только слышать опять на завалинке
Про политику спор мужиков.

С ними верить и снова надеяться,
Стопку-две закусить огурцом,
Может, всё ещё слепится, склеится,
И «власть» повернуться лицом.

* * *

Морозы жмут, продрогшая маршрутка,
Стекло согрела, в дырочку смотрю.
Март на дворе, а холод – не на шутку,
Верь после этого календарю.

Посадская. И двери нараспашку,
И шмыг – девчонка лет шести-пяти
С протянутой рукой, в мужской рубашке,
Сквозь шубу в душу, кажется, глядит.

В мороз и зной на улице часами...
Копейки! Знает им, бедняга, счёт.
В шапчонке рваной и почти босая
«Подайте, Бога ради!» - ручки трёт.

Потом выходит на мороз у сквера,
С какой-то тёткой в сторону идёт.
И мелочь, и рубли (а вдруг проверит?) -
Свой заработок нищенский сдаёт.

И вновь работать, заодно – погреться,
А ей бы тихий час да детский сад...
Как мне забыть её? Тревога в сердце.
И нет весны... И к ночи снегопад.

* * *

Мне б вернуться обратно на родину,
Где над крышею вьются стрижи,
Где журавль у замшелой колодины
Поутру от прохлады дрожит.

Моя тихая, славная, нежная,
Лучик солнышка в сумраке дня,
Ты полями своими безбрежными
В юность давнюю манишь меня.

Как живётся тебе, моя милая,
Память предков сквозь слёзы храня?
Покосились кресты над могилами,
Колокольни давно не звонят.

По тебе ли, моя даль-сторонушка,
Панихида – то дождик, то снег?
Конопелинкой, маковым зёрнышком
Ты мне снишься в наш горестный век.

* * *

Мелькает, летит, ускользает!
И в дымке зелёной кусты,
И дождика поступь косая
Смывает былого следы.

Их жаль мне порою до боли,
Но прошлого не удержать,
Когда жаворонок над полем
Взмывает опять и опять.

И что-то зовёт и тревожит,
И дышит прохладой в лицо,
И спать от капелей не может,
И вербой стучится в крыльцо.

НА РОДИНЕ

Часок по трассе от Орла -
И замелькают наши крыши.
Крома в осоке у села,
Горстями цвет роняют вишни.

О, среднерусская земля !
Мой отчий край - твоя верхушка.
В подшалках избы вдоль плетня,
На взгорке ветхая церквушка.

За окоём бегут века,
Орловщина - Руси глубинка!
Всё тот же шёпот ручейка,
И к храму в лютиках тропинка.

У стариков и у старух
Алтарные святыя лики,
И жив ещё бессмертный дух
Руси могучей и великой.

* * *

Выла метель
И швыряла пригоршни колючек.
Северный ветер
Морозы шальные принёс,
К ночи сгонял
Над вокзалом ноябрьские тучи.
Поезд запаздывал.
Ворон на рельсах замёрз.

Кыш! Не пророчь! Не кричи!
Разве слёз уж не мало?
Сколько мальчишек
Пустила война под откос!
Я уезжала.
Толпа на перроне стояла.
Бритые головы.
Надо протиснуться в «хвост».

Тронулись...
Водка и шутки, и дым сигаретный.
Огненный чай
проводник по вагону пронёс.
Праведный Боже! Солдаты...
Какое там - дети!
Кто же воспримет
Таких вот военных всерьёз?

- Вы нас куда, да в какие войска,
Не пытайте –
Справа сосед посмотрел,
Словно камень метнул.
- Что, интересно?
Читали себе и читайте!
Кто-то ответил: «В Чечню», -
И тревожно вздохнул.

Вдрогнуло сердце,
Ведь дома остался такой же.
Скоро служить.
Как же пули полёт отверну?
Пели вагоны
(а лица всё строже и строже),
Мчали вагоны в Чечню,
На Кавказ, на войну...

Поезд к утру зашепшил,
Почему-то прибавил,
И не спалось,
И щемило, щемило в груди.
Что-то мелькнуло вдруг.

Ворон! Он нас не оставил!
Каркал и каркал вослед,
Как вчера на пути...

НА БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Хлопот у птиц и в этот день не счесть,
Но, отложив на завтра все заботы,
Поют они в садах Благою весть,
И славят Богородицу с восхода.

Чуть свет в сарай торопится отец,
Сенца задать двухмесячным ягнятам,
В хлеву сменить подстилку у овец,
И пилит-строит, закуть тесновата.

В зачатъе травы и вишнёвый цвет,
Но как на тополях запахли почки!
И мать-и-мачехи веснушчатый букет,
И эти новорожденные строчки.

Над голубыми тополями
Коврига ситного – луна,
А за уснувшими полями
Звезда Полярная видна.

Иду-бреду по бездорожью,
По недопаханной стерне,
И дышит ночь созревшей рожью,
И кто-то шепчется в копне.

Туман лохматится у дола,
У засыхающей сосны.
И во дворы по частоколу
Осенние крадутся сны.

НАСЛЕДСТВО

Вышивала бабушка при свечке
За полночь, - иголка не видна.
Спали дети сладким сном на печке,
И дремала за окном луна.

Полотенце я храню с любовью,
Вышитое бабушкой моей.
Пожеланье - крестиком - здоровья,
Счастья и любви на много дней.

Годы пролетели, мама вскоре
Стала шить да кружева вязать.
Рушников расшитых девке горы
Раньше замуж надо было взять.

Я крестом перечеркну плохое,
Вышью гладью, шёлком всё кругом.
Хочется, чтоб русское, родное
Сохранили дети на потом!

Связываю ниткой поколенья,
Чтоб своих родных не забывать.
А родится внучка - без сомненья
Станет "спис орловский" вышивать.

* * *

Не сдаётся кукушка, громко спорит с подпаском,
Лес пропах духотою переспелых грибов.
Мох, как шкура медвежья, под сосною распластан,
А на диком шиповнике столько шипов!

Проникает не часто в этот мрак кафедральный
Заблудившийся лучик, эха дерзкого звук.
Лишь в трясине туманы всхлипнут глухо-печально,
Да рассыплется дятла-барабанщика стук.

На закате стихает мелкий мир, муравейник,
Ручеёк быстроногий меж хвоинок спешит,
Вечер сонное солнце спать ведёт за ошейник,
И щенком вислоухим в кронах месяц бежит.

Этот лес на сегодня стал постелью и кровом,
Проводи до калитки, по росе проводи.
Был вчера мне простым и хорошим знакомым,
А теперь лишь взгляну – полыхает в груди.

* * *

Осень-старуха, клюкою ореховой
В окна стучи – не стучи!
Ты опоздала. С утра переехала
Я, не оставив ключи.

Ставни закрытые, дверь заколочена,
Пёс не скулит на цепи.
Сорван последний букет на обочине,
Только калитка скрипит.

* * *

Осенним внутренним покоем
Объята поле и река.
Прикрывшись козырьком-рукою,
Смотрю, как тают облака.

Мелькает в предвечернем небе
Клин запоздалых журавлей,
Обоз ползёт с последним хлебом,
Мяжиной тянет с коноплей.

Меж кочек в торфяном болоте
С осокой шепчется камыш.
То всхлипнет кто-то у колдобин,
То – никого... Глухая тишь.

И ничего душе не надо,
Лишь видеть, как ползёт заря
По краю Сидорова сада
В листве шершавой сентября.

И через изгородь соседки
Срывать, как в детские года,
Румянощёкие ранетки,
А коль заметят, не беда!

Пройтись деревнею на ощупь,
Ни голоса, ни огонька, –
И напугаться вздохов рощи,
Как в детстве деда Лешака.

ОТЦУ

Бродили с тобою когда-то -
Корзины большие в руках -
В лесу до сырого заката.
За пни убегали опята
В туман голубой впопыхах.

Шумели берёзки высоко,
И байки рассказывал лес.
Тревожно трещала сорока,
И солнца уставшее око,
Пророчило холод с небес.

И падал на землю последний
Резной позолоченный лист.
Средь сосен густых неприметно
Гостинцем нечаянным, летним
Калина разбрызгала кисть.

Шуршало, шумело, летело...
Устали, и шли не спеша.
И тайна лесная несмело
Нам что-то поведать хотела,
И наполнилась ею душа.

* * *

Ощетинилось поле стернёю,
Заплешивелся Мишкин бугор.
И октябрьскою дымкой парною
Лес туманит на просеках взор.

Не дожётся река ледостава.
А у синих продрогших раки
На лугу молодая отава,
Босоное детство бежит.

Под сараем медовые тыквы,
Как погасшие солнца, лежат...
Всё прошло! А душа не отвыкла.
Обернётся и смотрит назад.

* * *

Вспыхнул в костре можжевельник,
В чащу шарахнулись лоси.
Встретишь ли лучше? Не верю!
Наша орловская осень.

Каждой сентябрьской дождинкой,
Каждой хрустальной лужей,
Тонкой сквозной паутинкой
Просится в сердце и душу.

Как же смогу позабыть я
В городе шумном и дымном
Запах слежавшихся листьев,
Спелые тыквы за тыном?

Свежие копны соломы,
Сныть серебрится в морозе.
Клёны, как пламя, у дома.
Осень... Орловская осень...

* * *

О, кто же, о, кто же на спицах
Связал вологодский наряд?
Щебечут на клёнах синицы,
В берёзовом кружеве март.

Промчались шальные метели,
Закончилось время тревог.
Стучат каблучками капли
Всю ночь о дощатый порог.

И пляшут чечётку по лужам
Босые подростки - дожди,
А ветер, наверно, простужен,
Чихает, хрипит и свистит.

Распахнуты окна и двери,
Пусть дом окропится весной.
Я верю и будто не верю:
Ты рядом и счастлив со мной.

От себя неустанно бегу,
А душа под морозами вянет.
Скоро буду в январском снегу,
Бабье лето уже не обманет.

Растеряю года, как листву,
Запрокину, как веточки, руки,
Но услышу опять к Покрову
Свадеб новых весёлые звуки.

Молодая семнадцати лет...
Надрывают мехе гармонисты.
Гаснет в поле осенний рассвет,
И последние сыплются листья.

ПЕТЕНЬКА

Не заманить, живёт в столице!
Проездом в отпуск, но бывал.
Теперь сынок ей только снится.
Семь лет ни слуху, как пропал.

Корил, бывало, простотою.
Сундук прабабкин и ухват.
Вся жизнь – отёлы да удои,
И душно в хате от лампад.

Стыдился он ещё студентом,
Когда собрав деньжат, сальца,
Управив затемно, с рассветом,
Спешила «навестить мальчика».

Видавший виды полушалок,
Лицо без городских помад.
И руки прячет, взгляд усталый.
Вот разговоров у ребят!

Всё: «Петя, как живёшь, родимый?
Учёба как идёт, сынок?»
Стыдись растоптанных ботинок,
Достанет с грошиком платок,

И ни намёка, ни словечка,
Что одолел радикулит.
- Перетерплю, со мною печка,
А вот по нём душа болит.

* * *

Прокололи ёлки небо - не зашьёшь,
Сыплет манка через дырочки с небес,
Снег за валенки, утонешь, не пройдёшь,
Никого зима не пустит нынче в лес.

А по улице метелица снуёт
Об руку с морозом вдоль дорог,
Намела сугроб огромный у ворот,
Коврик белый постелила на порог.

Завалила двор и крышу, и дрова...
Вязнут ноги, по колено рыхлый снег.
Но сугробы для мальчишек трын-трава,
И звенит на всю округу детский смех.

ПРОЩЁНЫЙ ДЕНЬ

В глухих, далёких уголках России,
Где помнят заповедь Христа,
Шёл к нищему богатый и всесильный,
Прощения просить в канун Поста.

Полузабытый в городах обычай,
Прощёный день – таинственный обряд.
По стародавней дедовской привычке
Стучатся люди в двери ближних хат.

Земной поклон. И просят друг у друга
Чтобы очистить душу от обид,
Во имя Сына и Святого духа,
Заради Бога пусть сосед простит.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Осинки в новеньких серёжках
И грохот вскрывшейся реки,
И гомон кур на талых стёжках,
И вдаль плывущие мостки.

И за размытою дорогой
В зелёной тонкой дымке лес,
И в сердце светлая тревога,
И тёплый дождь кропит с небес.

А на развалинах часовни
К подножию крутой горы
Всем миром выгружают брёвна,
Стучат задорно топоры.

Кипит работа в кузне старой,
Из самых дальних слышно мест.
Как колокол, гудят удары,
Куётся для часовни крест.

ПЧЁЛКИ

Лишь пригреет солнышко лучистое
И уйдут на север спать снега,
Брызнет краска рыже-золотистая,
Обольёт пригорки и луга.

Меж осинок выйдут по опушкам
Первые подснежники в лесу,
И вещунья добрая, кукушка,
Отхлебнёт из венчика росу.

А на пасеке в саду под клёнами
Выскользнет жужжащая пчела.
После спячки кажутся зелёными
Два прозрачных тоненьких крыла.

Первая отправится в разведку
В лес и в поле, и в соседский сад.
Отдохнуть усядется на ветку
И скорей отправится назад.

Срочно надо рассказать подружкам,
Что уже баранчики цветут,
Пахнет мёдом жёлтая опушка,
В кипени весенней вишни ждут.

Манит в рощу чудо-медуница,
И от вербы кругом голова.
Так наголодались – не сидится!
Ну, держись, душистая трава!

ПЕТУХ

Пропев побудку на заре,
Петух гулять выводит
Свой многочисленный гарем
На грядки в огороде.

Пересчитав пеструшек, он
Следит, чтобы вначале
Молодки на его поклон
С почтеньем отвечали.

Подросткам он даёт урок
Классического боя,
Приёмов, драк лихих знаток -
Да тот ещё разбойник.

В жару петух в тени сидит,
Следит отцовским глазом,
Как молодёжь вокруг галдит,
Готов пресечь проказы.

А к вечеру ведёт учёт
Продукции куриной
И косточками старых счёт
Стучит он за овином.

В сарай войдёт он на ночлег
Последний из последних,
Разделав напрочь, под орех,
Всех петухов соседних.

ПО ХОЗЯЙСТВУ

Без устали хлопочут пчёлы,
Гудит за огородом поле.
Свернул с просёлка конь весёлый,
Доставит деда и – на волю!

Коса и грабли под навесом,
На гвоздь летит привычно кепка,
Возок сенца с опушки леса,
В меду с обочины сурепка.

В теньке, под клёном, на фуфайке
Дед остывает от работы,
И сохнет на оглобле майка,
Косил аж до седьмого пота.

Под ветками на дне плетушки
Ржаные летние опёнки,
Душица к чаю для старушки,
И земляника для Настёнки.

* * *

Погасший день, и полушёпот ветра,
И шорохи запущенного сада,
И россыпи блуждающего света,
Акаций белокрылая прохлада.

И гроздя осыпают складки платья,
И горечью кропят непоправимой.
Добро и зло - как на любовь залятье,
Насмешка тьмы? Улыбка серафима?

К чему теперь мне радости земные?
Судьбы извивы стали мукой, адом.
Как истины бессмертны прописные!
Ты и меня ласкал когда-то взглядом.

* * *

Покинут воробьи застреху,
И разгорланятся грачи,
Лишь только брызнут из-под снега
Апреля шумные ручьи.

И ты поймёшь то нетерпенье
И тёплых дней, и первых гроз,
И почек пухлых напряженье,
И спешность зелени у лоз.

С минутой каждой набирает
Весна неудержимый бег.
Ещё в оврагах снег не тает,
А на дорогах скрип телег.

И саженцев у школы горка.
В медалях, празднично одеты,
Два местных деда, Пётр и Фока,
С детьми сажают Парк Победы.

РОДНАЯ ТИШИНА

Ломоть печёной тыквы - спелый месяц,
Проспорил нашему Меркулихин петух,
Девчата спели пару новых песен,
Табун коней стреноженных пастух
В ночное выпустил на Волчий луг.

Туманы словно Лыскино парное,
В оврагах дальних вербы пьют до дна.
И никого, лишь тишина со мною,
Ночь напролёт лишь тишина одна.
Она живая и видна, слышна!

То клятвой мальчика в любви навечно,
То взмахом полусонного крыла,
То всплеском карасей в цветущей речке,
А то - младенцем на краю села
(Наталья двойню Петьке родила),

И, кажется, нет ничего милее
Пройтись вдоль берега родной Кромы.
Как после храма, на душе теплее,
Как будто пела тишина псалмы,
Такие светлые приходят сны.

* * *

Рассвет барахтался в сугробах,
Устав от вьюжной ворожбы,
Я заблудилась в топких тропах
Своей заснеженной судьбы.

То напрямик по дну оврага
По тонкому ступаю льду,
Без дрожи в сердце и без страха,
Сама с собою лишь в ладу,

То, встав на торную дорогу,
Все дни и ночи вдалеке
Я привыкаю понемногу
Жить, как и все, - на большаке.

* * *

Ранний час. Предутренний покой.
Спит село, ему так сладко спится!
Низко облака – достать рукой,
Белые и розовые птицы.

А напротив огоньки зажглись,
Надрывается на кухне чайник
«Полвосьмого! Слышишь, торопись!» -
Кипятится кухонный начальник.

В форточку вышмыгивает кот,
Во дворе снежки швыряет ветер,
У колодца кто-то рубит лёд,
Гомонят на школьной горке дети.

Пыжится воробышком февраль,
Стог подъелся, и сосульки с крыши.
И полынью терпкой пахнет даль,
И к полудню март у вязов слышен.

Вот и хорошо! Идёт весна!
Узнаю повсюду эти звуки.
Мир устал от холода и сна,
По земле истосковались руки.

* * *

Расчёт получен. Зреет вечер.
Нахлопотался дед Федот.
Крутым рассолом огуречным
Впитался в душегрейку пот.

Как мог расстаться он с Бурёнкой,
Не верил сам себе старик.
В пыли горячей у просёлка
Затосковал и сердцем сник.

Закрылся двор заготконторы.
Идти домой ему невмочь,
Кричать на всю округу впору.
Так и сидел Федот всю ночь.

- Учужала беду, конечно,
Она, голубушка моя,
Как буду жить без ней, сердешной?
Упёрлась рогом у плетня.

А нынче травы, как нарочно,
Покос, но некому косить.
Всяк выживает, кто как может.
Кого о помощи просить?

* * *

Разыгрались зарницы за речкой в кустах краснотала,
Растряла берёзка в овраге серёжки свои.
Пью весенние ночи, душа ненасытной стала,
И покоя не знают шальные певцы – соловьи.

Мир затих, кто посмеет прервать задушевные трели!
Видно, время настало – не могут молчать о любви.
Вот и тайна раскрыта... Когда ж соловьи подсмотрели
И подслушали вздохи и думы ночные мои?

Широко, откровенно, с размахом, до боли, по-русски!
«Боже мой, - удивляюсь, - да разве так может у птиц?»
Сколько веры, надежды, любви и непрошенной грусти,
Будто песни слетели с есенинских веток-страниц.

* * *

Ручей под горою водой бирюзовой струится,
А как же иначе? На склоне берёзовый лес.
Томится душа - белокрылая райская птица,
Скучает без наших оставленных Господом мест.

Зов предков, а может, какая-то тайная сила,
Лишь только заря расплескается в спелую ночь,
Меня переносит в деревню на родине милой,
Где след мой блуждает в ромашках берёзовых рощ.

И бродит, и бродит за мною луна-кобылица,
Осыпаны звёздами яркими грива и хвост,
И пьёт из ладоней моих у заросшей криницы,
Я так же пила из ладоней отца в сенокос.

Не надо хором расписных и не хочется рая,
Лишь только б вернуться, как в детство, в родительский дом,
Чтоб солнце, взобравшись на крышу сенного сарая,
На зорьке будило меня, прокричав петухом.

* * *

Сквозь голые ветки раки
Горит на морозе закат,
И корочка наста блестит,
И тени густые лежат.

Деревня уснула в снегу,
И месяц гуляет над ней –
Овины пасёт на лугу,
Сквозь льдинки глядится в ручей.

Хрустят под ногами снега.
Вдоль речки – накатанный след.
Родные мои берега!
Сквозь годы немеркнущий свет!

СПЕЛЫЙ ВЕЧЕР

Нынче вечер безоблачный, синий,
Мёдом спелым плеснула заря
В перелесок, в дрожащий осинник,
И горит в хохолке сизаря.

Дух созревших владимирских вишен,
Да жужжание пчёл у крыльца.
Сквозь окно растворённое вижу
С дымарём у колодин отца.

Золотисто-янтарные соты
На веранду для пробы несёт.
Кудри светлые - может быть, годы,
Может, липовый выкрасил мёд.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

С волнением открываю я альбом.
Желтеют карточки минувших лет.
Здесь тихо дремлет память о былом,
И не остыл ещё событий след.

Нет, не альбом - скорей, архив открыт:
И праздники, и будни вижу в нём.
Вот и отец с гармошкой сидит,
Играл на ней и вечером, и днём.

Погладит ласково рукой гармонь,
Меха, как душу, сразу распахнёт,
Она откликнется, лишь только тронь,
Деревня вся на улицу придёт!

И вот в туман, куда-то за село
На зорьке песня русская плывёт.
Душа отгадет, станет вдруг тепло,
И кто-то из девчат слезу смахнёт.

Отец увидит: одолела грусть,
Туда-сюда по кнопочкам пройдёт:
«Раздайся, круг! Станцует Клава пусть!»
А мама будто этого и ждёт!

Казалось мне тогда, что дворик мал.
Дробь мелкая, частушки, громкий смех!
Отец задорно «Барыню» играл,
Плясала мама на виду у всех.

* * *

Странный всё-таки возраст бальзаковский.

Я в игре, да и карты мне вмасть,
Но с другого присмотришься ракурса,
Жизнь под горку стремглав понеслась.

Хоть разок на тот берег вразмашку бы,
От которого плыть ещё, плыть.
Жаль, ей богу, из лета вчерашнего,
ни мгновения не повторить.

СЫНУ

Словно белые барашки,
С косогора вдоль плетней
Убежали утром кашки
Умываться на ручей.

Глиняной спешат дорогой
Выпить чистой глубины
И бегут горой пологой,
Долго издали видны.

Подую корову нашу,
Земляники прихвачу,
Заварю из кашки кашу,
Накормить тебя хочу!

И лесами, и лугами,
И пахучими цветами,
И водичкою запей! –
Рядом катится ручей.

Степь, три сосны и – брызгами цикорий,
Просёлок раскалился добела.
Простор какой! Хлебов созревших море,
И лишь свистят, свистят перепела.

Который час, куда бреду – не знаю,
Мне б только слушать этот свист в тиши
По краю ржи и по родному краю,
И нет важнее дела для души.

И чуются напевы пасторали,
И далеко слышны колокола.
И небо родины, и в дымке дали,
И где-то там, во ржи, перепела.

СПАС

Звонарь залез на колокольню,
Кладбищенский нарушил сон,
И стаи голубей неволью,
Заслышав этот перезвон,
Над бедной церковью взлетели.

На солнце купола горели,
Был Яблочный великий Спас.
И в этот ранний летний час
Шли люди в праздничных одеждах,
Несли корзины яблок свежих
И с неба не сводили глаз.

А тучки плыли строем ровным,
И вдруг над маковкой церковной
Взошёл нерукотворный Спас...
Вёл службу сам на этот раз.
Со всепрощающей любовью
Нас причастил своею кровью,
Мир от паденья снова спас,
Как на Голгофе в смертный час.

СОЛОВЬИ

Вечереет. Голубеют дали.
Первая крапивница – лови!
Соловьи ещё не прилетали,
Запоздали нынче соловьи.

Не беда, ведь знаю я, что скоро
Заснежит черёмухою сад -
И тогда в приокские просторы
Соловьи, конечно, прилетят.

Станут зори и теплей, и краше,
Спать уйду в сарай на сеновал.
Раньше здесь, в саду, в сирени нашей,
Соловей подружку призывал.

Вновь услышу дивные коленца
Не усну до самого утра.
Отхлебну воды холодной в сенцах,
Где же ковш? – Да прямо из ведра!

Станет жарко от любовных трелей,
Выйду в сад, – какой уж нынче сон!
А на ветках соловьи расселись,
Сыплют трелями со всех сторон.

СКВОЗЬ МАРТ

Упал зарёю грай вороний
У переезда в березняк.
С размаху дождь обрызгал кроны,
Где с мартом нянчился сквозняк.

И бормотал скороговоркой
Средь мать-и-мачехи ручей,
Бахча дымилась на задворках,
Желтели вербы у ключей.

Лес, от набухших почек пряный,
Галдел весь день, как новосёл,
И медуничные поляны
Тонули в гуле первых пчёл.

Петух взахлёб орал в деревне,
Шумела полая вода,
И, возвратившись из кочевья,
Шныряли утки вдоль пруда.

А вдоль просёлочной дороги,
Бурьян сминая и полынь,
Катили новенькие дроги
Сквозь Русь, сквозь март,
Сквозь даль и синь.

* * *

Ты вошёл, я обо всём забыла,
Отложила в сторону дела.
Без тебя так пусто в доме было!
Как я раньше здесь одна жила?

Голосом, картинами, вещами
Дом тобой, как солнцем, напоён,
Ожил под весенними лучами.
И не умолкает телефон.

И запахла кухня пирогами,
С вечера ещё тебя ждала.
А в прихожей почему-то сами
Весело смеются зеркала.

* * *

Три года под Покров, как нет соседа,
И вроде, неприметный был мужик.
Со всем селом и радости, и беды,
И выпить мог по-русски, от души.

Он за родную землю пешим строем
Солдата до Берлина отмахал.
Распросов не любил, не слыл героем...
Он землю, что сберёг, всю жизнь пахал.

Детей растил, потом опять же внуки, -
Не помнил дня без тягот и забот.
«Из нашенских, горят в работе руки!» -
Ценил соседа на селе народ.

И по сей день на речке нашей мостик,
Берёзовые длинные жердинки.
А кто идёт: «Спасибо деду Косте!»
Такие вот народные поминки.

* * *

Уже лоза душистая
Бушует над крыльцом.
Дождём умыта, чистая
Весна кричит скворцом.

В садах разноголосица,
Проталины видны,
И счастье в сердце просится
На краешке весны.

Накину шаль цветастую,
Не прячь влюблённый взгляд!
Весну сегодня праздную
И праздничный наряд!

ХЛАМ

Стонут и вздыхают хлипкие ступени,
Голуби гуркуют, душный полумрак,
Прошлого мелькают призрачные тени,
Некуда им деться, только на чердак.

В обветшалом кресле моль терзает шляпу,
Лысая шубейка, мамин ридикюль,
Без руля машинка, Мишка косолапый,
Битые плафоны, полусгнивший тюль.

Санки без полозьев, треснувшая ваза,
Стоптаные туфли, чьи – не разберёшь.
Томик «Капитала», на обложке с Марксом,
Бюст на этажерке – пыльный в кепке вождь.

ШУМЯТ САДЫ

Деревни нет давно. Сады
На месте этом всё шумят.
Жасмин, могильные кусты,
Сплошной стеной цветёт у хат.

Ни у колодца нет следов,
Журавль оглох от немоты,
Ни псов дворовых, ни котов,
Лишь всё ещё шумят сады.

Они не помнят, кто здесь жил,
Дома кто строил и мосты,
Но по весне что было сил
Цветут, шумят ещё сады.

ШАГ НАЗАД

Кажется, ступлю я шаг назад,
Стану вновь красивой, молодой.
Стану, может быть, сама собою.
Шаг назад, всего лишь шаг назад!

Заметает косы снегопад.
Видно, так всегда приходит зрелость.
Отмечталось, значит, отхотелось -
Шаг назад, всего лишь шаг назад.

Золото берёз не тешит взгляд,
Сердце от морозов остывает.
Никого! Лишь ветер завывает.
А друзья? Уже на шаг назад!

Годы ли, мгновения летят?
Я на картах больше не гадаю:
Врут безбожно. Я и так всё знаю.
Жаль, не знала это шаг назад!

Кто же осени внезапной рад?
Как гостям незванным ей не рада.
Боже! Только что со звездопадом!
Звёзды больше в руки не летят.
А ведь было!.. Было!.. Шаг назад!

ЭКЗАМЕНЫ

Сдаю всю жизнь зачеты да экзамены.
Порой не за себя. А как иначе?
Не все оценки мне ещё поставлены,
Ещё волнуюсь по ночам и плачу.

Порой не следую правописанию,
А совесть слушаю свою и сердце.
Да, ошибаюсь... Но горю желанием
Быстрее исправить! Я упряма с детства.

А иногда поставить точку хочется,
Всё, - думаю, - не по зубам задача!
И вспомню вдруг: уже зовут по отчеству,
И улыбаюсь, даже если плачу.

* * *

Я не скопила в сундуках богатства,
И бриллианты в сейфах не горят,
Но я владею тридевятым царством -
Найди попробуй, кто, как я, богат!

Я дорожу, как сказочной жар-птицей,
Рябиною у дедова крыльца,
Гречишным полем, хутором, криницей,
Где через край плеснулись небеса.

А по ночам я звёзды собираю,
На дно колодца сыплю под окном,
И солнце из сарая выпускаю,
И на закате прячу за гумном.

Люблю церковей к вечеру перезвоны,
Нагретый за день у ручья песок
И тополей серебряные кроны,
И утром Гришки пастуха рожок.

Храню давно несметные богатства:
Пруд с карасями, в диком хмеле дом.
Готова подарить тому полцарства,
Кто сможет уберечь его потом!